

Пиршество красок

текст

НАТАЛЬЯ
ЦАРЁВА

Редкая выставка открылась в ГХМАК. Она относится к циклу «Выдающиеся юбиляры из коллекции музея» и посвящена 140-летию художника Петра Кончаловского

Все фото
предоставлены
ГХМАК

Пять полотен Кончаловского из коллекции Художественного музея Алтайского края чрезвычайно востребованы, их чаще можно видеть на выставках в Москве, нежели в Барнауле. На юбилейной выставке представлены четыре работы: два натюрморта и два пейзажа мастера. Работы: «Дача» (1919), «Натюрморт» (1928), «Ветлы» (1947) — поступили в музей из коллекции сына Петра Кончаловского, тоже живописца и графика, заслуженного художника России Михаила Петровича Кончаловского в 1973 году. Четвертая работа, «Натюрморт» (1920), передана в ГХМАК из Алтайского государственного краеведческого музея в 1959 году. Это произведение представляет особый интерес, так как, по-видимому, принадлежало Музею изящных искусств, существовавшему в Барнауле с 1920 по 1927 год. После отъезда из Барнаула художников — организаторов музея, художественная жизнь в городе стала затихать, уникальная коллекция, которую составляли 120 ценнейших экспонатов — восторг любителей искусства Сибири, безвозвратно исчезла. Осколки знаменитого собрания сохранились в Алтайском государственном краеведческом музее.

Современники Петра Кончаловского говорили о нем: «Он был создан для живописи, ощущал мир живописно — как пиршество красок — и едва ли не олицетворял собой само это искусство».

**Пётр
Кончаловский.
Натюрморт.
1920.
Холст, масло.
89x104**

Пётр Петрович Кончаловский родился 9 февраля 1876 года в Славянске в семье видного литератора. В Харькове мальчик делает первые шаги в искусстве, с восьми лет он посещает частную школу живописи Марии Раевской-Ивановой, первой в России женщины-художника, получившей диплом Академии художеств. В 1889 году семья перебирается в Москву, где Кончаловский учится в вечернем классе Строгановского училища. Друг отца — Константин Коровин уговаривает отпустить Кончаловского-младшего в Париж. Там с 1896 по 1898 год он занимается в академии Рудольфа Жульена. По возвращении домой Пётр Кончаловский сразу поступает в Академию художеств, в 1907 году получает звание художника. Картины, созданные Кончаловским в это время, часто хвалят, ему предсказывают большое будущее, а он сам чувствует, что еще не нашёл в творчестве чего-то важного. Недовольный результатом, он часто смывает свои картины с полотна. Вскоре Кончаловский вновь едет в Европу и три года (1907–1909) проводит во Франции и Германии. В 1910-м вместе с Василием Ивановичем Суриковым, на дочери которого он женился в 1902 году, совершает творческую поездку в Испанию. Его увлекает современное искусство, большое впечатление производит творчество постимпрессионистов: Гогена, Ван Гога, Сезанна.

Вернувшись на родину, художник принимает участие в московской выставке молодых художников «Бубновый валет», затем в 1911-м становится одним из учредителей одноименного общества, которому предстояло быть значительным явлением в русском искусстве. Художественный критик Александр Бенуа называл представителей «Бубнового валаета» «русскими сезаннистами». Однако художники объединения не ограничивались постимпрессионизмом, они экспериментировали, смешивая новейшие кубизм и фовизм с древнейшим русским лубком. К этому дерзкому периоду и принадлежит работа «Дача» (1919).

В 1919 году Кончаловский много пишет и рисует в Кунцево, где у семьи его брата Максима Петровича была дача. Сохранилось немало работ с изображением кунцевских пейзажей. Это рисунки, сделанные на цветной или обычной бумаге итальянским карандашом: «Кунцево. Вид на дали через деревья», «Кунцево. Берег Москвы-реки», «Кунцево. Пейзаж с мостом» и другие. Саму дачу художник пишет на холсте маслом трижды: «Кунцево. Желтая дача» (91 x 64,5), «Кунцево. Дача» (50 x 61,5), «Дача в Кунцево» (85 x 90). Работы художник подписывает и собственноручно на обороте проставляет порядковые номера: 331, 333, 335. Работа № 333 принадлежит ГХМАК. Она меньше других работ по размеру, и хотя композиции всех трех пейзажей похожи, наша «Дача» словно укрупнена. В центре холста изображен желтый дом с мезонином и белым балконом; фронтально развернутый на зрителя, он будто окружен кулисами из деревьев и кустарников. Пластическое решение сведено к упрощенным геометризированным формам. Яркие, ясные цвета: зеленые, охристые, белые, голубые — весьма свойственны работам Кончаловского в десятилетие «бубнововалетности».

В работах 1920 годов исчезает схематизм формы и цвета, живопись Кончаловского, оставаясь полностью яркой, обретает колористическую тонкость, сложное богатство переходов и внутренних контрастов холодного и жаркого цветов. Его творчество становится более реалистичным. Именно этому периоду принадлежит «Натюрморт» (1920), подаренный художником молодому музею Барнаула.

Зрители в музее часто сравнивают два натюрморты Кончаловского: суровый и в чем-то даже аскетичный натюрморт с картошкой и луком, 1920 года, и праздничный, нарядный, с цветущими орхидеями, 1928 года. Но выбрать лучший невозможно, каждый по-своему хорош. Искусствоведы отмечают, что интерес к натюрморту появился у Кончаловского, несомненно, под влиянием живописи Сезанна. Натюрморт стал для художника лабораторией композиционных, фактурных, колористических поисков и мерилom вещности, материальности живописи.

Двадцатые годы — период расцвета творчества Кончаловского.

В 1922 году состоялась его первая персональная выставка, в 1923 году вышла монография о его творчестве, принадлежащая перу Павла Муратова. Этот факт негласно закрепил за Петром Кончаловским положение ведущего живописца молодой советской России.

В 1940 годы художник вновь обращается к пейзажу — жанру, который он безмерно любил. Многие работы этих лет проникнуты романтическим настроением, поэзией, утверждением радости жизни. Таковы и монументальное полотно «Новгород Великий» (1944), ныне принадлежащее Художественному музею Алтайского края, и камерный пейзаж-наблюдение «Ветлы» (1947).

«Пейзаж, как и все, что я пишу, начинается у меня с зарисовки, иногда даже с нескольких, — рассказывал о своей творческой лаборатории Кончаловский. — Когда я вижу интересующий меня кусок природы, я вижу уже и всю вещь, вижу и чувствую, как надо «устроить» пейзаж. Просто брать то, что видишь, действовать, как фотограф, я не мог никогда: без построения нет искусства, а есть один голый натурализм, который я считаю заклятым врагом искусства, самой заразной его болезнью».

Пейзаж «Ветлы» заставляет вспомнить другое высказывание художника: «Самое важное для меня в древесном пейзаже — это силуэт дерева на небе, силуэт его ветвей. Старые великие мастера отлично знали это и умели делать, но подражатели обратили прекрасный прием в ремесленный приемчик, и поневоле приходилось через природу идти к классике, как учил Сезанн».

По выражению художественного критика Николая Пунина, всю жизнь Пётр Кончаловский являл «очень редкое явление живописца чистой воды. Он мыслит красками, валерами, фактурой». «Главное в живописи — живопись, — любил подчеркивать Пётр Петрович, — ибо только тогда идея, мысль, сюжет могут воздействовать на зрителя. Только через живопись может художник сообщить свои мысли и чувства зрителю. Такова природа искусства».

Творческий путь Петра Кончаловского длился почти пятьдесят лет. До последних дней Пётр Петрович упорно работал, ежегодно показывая зрителю свои новые работы. При жизни у художника состоялось пятнадцать персональных выставок. После его кончины музеи России регулярно организуют крупные и небольшие выставки художника, чтобы отдать дань уважения могучему таланту великого живописца. ◀

Пётр Кончаловский.
Натюрморт.
1928.
Холст, масло.
89,5 x 75

